



Воспоминания Морриса Шульмайстера: «Я переехал в Минск, так как за мной следила полиция»

Скопировано 09.07.2017 с <http://poslezavtra.be/evidence/2016/06/18/vospominaniya-morrisa-shulmaystera-ya-pereehal-v-minsk-tak-kak-za-mnoy-sledila-policiya.html>, оригинал на <https://dumka.be/ru/news/perevod-vospominaniya-morrisa-shulmaystera-ya-pereehal-v-minsk-tak-kak-za-mnoy-sledila-policiya>

[ru.theanarchistlibrary.org](http://ru.theanarchistlibrary.org)

## Воспоминания Морриса Шульмайстера: «Я переехал в Минск, так как за мной следила полиция»

*Посещение анархистских собраний в лесах под Белостоком; участие в «эксах»; революционная деятельность, а затем тюрьма в Минске; ссылка в Сибири; участие в московской анархической группе; знакомство с известными анархистами Гроссман-Роциным и Гординым; и, наконец, эмиграция в Америку и разочарование в анархизме. Такова судьба анархиста Морриса Шульмайстера, подробнее читайте в нашем новом переводе.*

*Текст взят из книги известного историка анархизма Пола Эврича «Голоса анархистов: устная история анархизма в Америке». Мы перевели его, так как нам интересно восстановить традицию сопротивления угнетенных (по Вальтеру Беньямину). Мы хотели открыть что-то новое из истории освободительной борьбы в знакомых нам городах. К тому же у Морриса Шульмайстера действительно очень захватывающая судьба.*

### Вступление Пола Эврича

Когда я брал интервью у Морриса Шульмайстера в Еврейском доме престарелых в Бронксе, он был одним из немногих оставшихся в живых анархистов, которые участвовали в революции и в 1905, и в 1917. Противник любых правительств, он отличился тем, что принимал участие в вооруженных экспроприациях как против царского, так и против коммунистического режимов. Я брал интервью одновременно у Мишки (как его называли) и у Эрн Торн [1], редакторки «Свободного голоса труда» [2]. В течение трех часов он на русском и идиш говорил о прошлом. Спустя два года после нашего визита, Мишка заболел раком и ему была назначена лучевая терапия. Но он сказал, что есть время жить, а есть время умирать. Пришло время умирать, и он отказался от дальнейшего лечения и перестал есть. Мишку привязывали к кровати и кормили внутривенно. В это время его посетила товарищка Анна Спивак. «Дай мне нож, — попросил он, — я разрежу эти путы». Анна ответила, что у нее нет ножа. «Тогда дай мне спички, и я сожгу их» — сказал он. Вскоре после этого, 9 июня 1978 года, в свои 90 лет Мишка умер.

Я родился 10 апреля 1889 года в деревне недалеко от городка Клещеле, Гродненской губернии [3]. Когда мне было около четырех лет, я переехал жить к своей бабушке в Брест-Литовск и оставался там до девяти или десяти лет. Потом, когда мой отец начал работать на оптового поставщика сахара в Белостоке, он взял меня жить к себе. Я поступил в седьмой класс талмуд-торы [4] и закончил одиннадцатый в 14 лет, когда достиг возраста бар-мицва [5]. Затем я год ходил в ешиву [6] и за это время утратил религиозную веру. Так я ушел из ешивы (мне тогда было четырнадцать), и мой кузен, сын брата моего отца, устроил меня на свою маленькую фабрику ткачем. Я оставался там где-то три года, пока мне не исполнилось 17, и на-

3 Сегодня Клещеле — город в Польше, входит в Подляское воеводство, Хайнувский повят.

4 Талмуд-тора — возникшие в конце средних веков в Европе еврейские религиозные учебные заведения для мальчиков из малообеспеченных семей, для подготовки к поступлению в ешиву.

5 Бар-мицва — термин, применяющийся в иудаизме для описания достижения еврейским мальчиком или девочкой религиозного совершеннолетия.

6 Ешива — название высшего религиозного учебного заведения, предназначенного для изучения Устного Закона, главным образом Талмуда.

7 Лагерь Тамимент — база отдыха, существовавшая в США с 1921 по 2005 год. Первоначально организованная как социалистический лагерь и летняя школа, затем превратилась в коммерческий курорт и перешла в частную собственность.

8 Дрожки — лёгкий четырехколесный экипаж.

ственники позже были убиты гитлеровцами, кроме одного, который сейчас живет в Израиле.

В 1920 Красная Армия проходила через город, направляясь в Польшу, затем возвращалась, когда поляки выгнали ее. Тогда же меня временно сделали главой ревкома. В 1922 я нелегально пересек границу и направился во Францию, где сел на корабль до Аргентины. Я год жил в Буэнос-Айресе, там снова встретил Мошке и Бекки. Работал по своей старой профессии — ткачем. Я перебрался в Нью-Йорк в 1923, но больше не смог участвовать в движении. Многие мои старые товарищи стали большевиками, готовыми на всё «ради революции» — хуже чем сами большевики! Я потерял свою веру в анархизм, в рабочих людей, в человечество в целом и мог сблизиться только с отдельными людьми, которых я знал и которые импонировали мне, независимо от их идеологии. Как можно реализовать свободное общество, если люди ведут себя настолько ужасно? Люди должны быть более человечными. Но они не такие. Они не прогрессировали, они деградировали!

Перевод с английского выполнен коллективом библиотеки «Вольная Думка»

---

1 Эрн Торн (1904 — 1985) — родилась в хасидской семье в Польше, но подростковым возрасте поравала с религиозностью и переехала в Париж, где присоединилась к анархистскому движению. С тех пор жила и занималась революционной деятельностью в Канаде и США. Была знакома с Эммой Гольдман. В книге Эврича «Голоса анархист\_ов» также есть её воспоминания.

2 «Свободный Голос Труда» — анархистская газета в Соединенных Штатах, выходившая на языке идиш. Издавалась с 1890, а последний номер вышел в 1977. Эрн Торн была последней редакторкой этой газеты.

чал посещать собрания радикалов, которые проводились в основном в лесу за городом.

Это был период большого социального брожения, кульминаций которого была революция 1905, и Белосток был центром радикальной активности всех видов. В 1906 году я был свидетелем погрома в городе. К этому времени я прочитал Кропоткина «К молодому поколению», «Завоевание хлеба» и другие работы анархистов, а также был членом Ткацкой Федерации Анархистов. Иуда Гроссман (Рошин) приехал из Западной Европы и участвовал в дебатах с бундовцами и эсерами. Никто не мог победить его в этих дебатах, и он подтвердил мою анархическую веру. Он гулял по улицам Белостока с полными листовок и газет карманами, рассеянно читая какую-нибудь революционную брошюру. Я встретил его позже в Москве, в 1918 году: хорошо одетый, в костюме и с ухоженной бородкой, он был совершенно другим человеком. Он был лет на десять-одиннадцать старше меня, одним из трех братьев, все из которых были анархистами. Один из них — Авраам — был убит полицией. Иуда сам никогда не участвовал в «эксах» или других боевых акциях. Его профилем были выступления и дебаты, в которых он был непобедимым чемпионом. Он производил сильное впечатление. Те, кто знали его «революционный Талмуд» — Зейдл, Яша «Шлюмпер» и другие анархисты — часто выигрывали дебаты с бундовцами и эсерами, а также с максималистами, вроде Липы Катц, привлекая много новых сторонников в движение.

Анархистская организация в Белостоке называлась «Черное Знамя». Она состояла из членов Федерации Ткачей (где состоял я), Федерации Хлеборобов, Федерации Кожевников, Федерации Портных и других рабочих федераций, в каждой из которых были анархисты либо анархическая группа. В Федерации Ткачей было около 60-70 активных анархистов — это было больше, чем в других. У большин-

ства из нас были клички, особенно у таких, как я, у которых было распространенное имя. Я был Мишка «Полжидок», другой был Мишка «Конке», еще Мишка «Дамф». На последней кличке отразилось введение в 1905-1906 годах новых ткацких станков, работающих от электричества (хотя и называвшихся «damf» — «пар»), вместо наших старых ручных станков. Многие боссы — даже еврейские боссы — предпочитали нанимать ткачей-поляков, потому что евреи не работали по субботам. Еврейские и польские рабочие вооружались и время от времени боролись за право на труд. Так мы завоевывали право работать.

Еще мы вооружались для нашей революционной деятельности. Среди анархистов были распространены браунинги (у меня с моим однажды случилось происшествие), и мы участвовали в перестрелках с полицией. Арон Елин («Гелинкер») был особенно активен, а еще Юдл, который был хорошим оратором. Гроссман называл их «Слово и Дело» — Юдл и Елин. Позже Юдл эмигрировал в Америку и стал управляющим в Лагере Тамимент [7]. Стрига, Майер «Малыш» и еще один товарищ подорвались на собственной бомбе в дрожках [8] в Белостоке. Янкл «Прессовщик», который работал кожевником, и его товарищ Мейшл были окружены полицией, которая напала на их дом. Янкл сбросил бомбу с крыши, а когда полиция загнала их в угол, Мейшл выстрелил в «Прессовщика» и затем в себя. Он убил себя, но «Прессовщик» выжил. Однажды мы сделали «экс» против инкассатора ликеро-водочного магазина — государственного служащего, так как у государства была монополия на спиртное. Мы брали деньги под дулом пистолета и у частных производителей, а иногда убивали их, если они не платили. Деньги в основном использовали для пропаганды: организации конференций, покупки бумаги, печати нашей литературы и так далее. Сейчас я смотрю на это по-другому. Это не было необходимостью.

Самый крупный «экс» состоялся в 1918 году против государственного банка и страховой компании. Сорок анархистов (и я в их числе) приняли в нем участие. Один товарищ, Стокозов, получил право входа через охраняемую железную дверь, переодевшись в офицера Краской Армии. Охранник приоткрыл дверь самую малость и мы ворвались внутрь. Там было двадцать пять большевистских солдат, но один из нас продемонстрировал бомбу и приказал им не двигаться. «Кто вы?» — спросил один из них. Но мы не ответили, и они сделали так, как им было сказано. Если заходили клиенты, их задерживали и помещали под стражу. Мы открыли сейф газовой гарелкой и выгребли несколько миллионов рублей. Я стоял возле коммутатора и следил, чтобы оператор не поднял тревогу. Потребовалось четыре часа, чтобы открыть этот сейф! Это был наш последний успешный «экс». Мы пытались организовать еще один, в Текстильном Союзе, но он не удался. Я дал Аббе Гордину часть денег, чтобы он потратил их для своей газеты «Анархия». И он взял их, хотя знал откуда они. Другая часть была использована на покупку еды и необходимых вещей, которые были доставлены в Дмитров и отданы Кропоткину, который не принял бы их, если бы знал их происхождение.

После этого большевики устроили рейд по анархистским местам и много товарищей было арестовано. Я поехал в город Козлов, чтобы затаится там в доме одного анархиста. Приходили трое чекистов и спрашивали про меня. Хозяин дома сказал им, что я был тут, но уже ушел, и они, видимо, поверили ему. Но они могли вернуться, поэтому мне пришлось двигаться дальше. Я поехал в Харьков и увиделся с Мрачным, Мошке, Бекки Гриншнером и другими товарищами из Конфедерации «Набат». Из Харькова я вернулся в Белосток. В это время там были поляки — это было в 1919 году. Мать уже умерла. Отец был в Клещелях. Все его род-

ки, а позже отдал ему три рубля и вернул часы. Фабрика чертежных перьев обанкротилась, но я нашел новую работу на фабрике, где делали мешковину. Мне эта работа не нравилась — фабрика делала мешки для войны, против которой я выступал — и вскоре я ушел оттуда. Затем, до того, как вспыхнула революция, я преподавал русский и идиш детям белостокского пекаря, который переехал в Одессу.

Среди матросов Черноморского Флота было много революционеров — эсеры, анархисты, большевики — и когда один из них спросил меня, почему я не в форме, я рассказал ему свою историю. Он и его друзья телеграфировали Саше Таратуте — мужу Ольги и советскому анархисту — в Петроград, и он поручился за меня. Мне рассказали об амнистии для революционеров и о том, что я освобожден от военной службы. Но я всё равно пошел служить на сторожевую башню моста в Бессарабии. Однажды приехал товарищ, чтобы забрать меня. Он рассказал мне, что анархисты возвращаются домой из Лондона, из Америки, чтобы принять участие в революции. Так что я вернулся с ним в Одессу.

Из Одессы я направился в Ялту, а затем на север — в Москву и Петроград. В каждом городе я встречался с товарищами, включая Сашу Таратуту, Билла Шатова и Саню Шапито. Я поселился с московскими анархистами и включился в активную работу. Наша группа направилась на фронт вести пропаганду среди солдат Краснова, который стремился подавить революцию. Прибыл Троцкий и одним из первых его замечаний было: «Здесь слишком много анархистов». Нас отправили обратно, и я стал работать в транспортном отделе Союза Городов и активно участвовал в деятельности московской группы анархистов, которая проводила экспроприации так же, как раньше против царского режима.

В следующем, в 1907, я поехал в Минск, так как в Белостоке за мной следила полиция и «становилось жарко». У анархистской группы в Минске был печатный станок и лаборатория по производству бомб. Они осуществляли пропаганду словом и делом. Печатью занимался Борис Энгельсон совместно с девушкой, которая впоследствии переехала в Лондон и упоминалась Рудольфом Роккером в автобиографии. Латыш Михаил Кукутс-Коветский («Феликс») делал бомбы. В 1904 его конвоировали вместе с другими политическими заключенными в Сибирь, но в Слониме его освободили анархисты, передав кусок хлеба, в котором был спрятан браунинг. Еще в нашей группе, кроме меня, была девушка по имени Лиза и молодой человек, которого звали Савитский.

1 апреля 1907 года Феликс и один из его товарищей отправились в небольшой парк, чтобы опробовать бомбы. Феликс засек агента полиции и подмигнул своему товарищу, чтобы предупредить его, но их окружили и после перестрелки схватили. В перестрелке Феликс ранил несколько полицейских агентов. Вскоре после этого арестовали остальную часть группы (включая меня) и посадили в Минскую тюрьму. Под давлением полиции Кукутс-Коветский стал стукачем и был в ответе за аресты. У трех других анархистов — Фомина, Стаха и Соловьева — были тайно пронесенные в тюрьму ножи. Они вышли из своих камер, пошли в специальную башню, где содержался Кукутс-Коветский, убили охрану, а затем убили Кукутс-Коветского. Была поднята тревога, и их схватили. После разбирательства их приговорили к повешению. Борис пытался организовать их побег, но сам был пойман, отвезен в Вильно и расстрелян. Троиш его товарищей повесили в Минске в это же время.

Я почти избежал ареста, но был схвачен двумя жандармами на железнодорожной станции в Вильне. Они нашли у меня революционные воззвания к крестьянам, напечатан-

ные в нашей типографии в Минске, а также фальшивый паспорт на имя «Захар Нефидов». После этого в моем полицейском досье можно было прочитать: «Захар Нефёдов, по прозвищу Шульмайстер». Я спросил могу ли я купить яблоко, так как не ел какое-то время. Они разрешили, и благодаря этому, я рванул убежать, чтобы попасть прямо в руки военной полиции. Возвращенный в Минскую тюрьму, я был приговорен к четырем годам каторжных работ. Первые восемь месяцев я был в цепях день и ночь. Нашим опекуном был анархист по имени Кирилл Павлович Гродетский. Он учился в университете вместе с районным прокурором, который узнал Кирилла Павловича, когда тот навещал своих товарищей в тюрьме. Камеру со мной разделял поэт и бундовец Лейвик. За три года, которые мы просидели вместе, он написал множество стихов и пьес, другие коротали время за беседами или игрой в шахматы.

В 1910 году я, Савицкий и несколько других товарищей были переведены в Москву, где я провел следующие два года заключения на каторжных работах. Оттуда меня отправили на этап через Минск, Слоним и Белосток, где я был ложно обвинен в стрельбе в полицейского. Меня заставили стать в ряд для опознания подозреваемых, но обвинитель выбрал другого человека. Тем не менее, меня осудили на вечное изгнание в Сибирь. Но перед этим меня вернули в Москву, в мою старую камеру, ожидать транспортировку. Наконец, в 1913 меня выслали в село Мухтуя, Киренского уезда, Иркутской губернии. Там с одной стороны — река Лена, а с другой — тайга, где я однажды заблудился, но встретил охотника, который вывел меня. Нас было восемь политических в этой деревне, и мы жили совместно: три анархиста и пять максималистов — все очень хорошие ребята. Я пробыл там один год, пока не началась Первая мировая война. За это время в качестве трудового наказания мы построили местную школу.

Через три недели после начала войны я получил сто долларов от Анархического Красного Креста. Я был вне себя от радости. Я покинул деревню, прошел пешком шестьдесят три часа до небольшого городка, откуда направился в Иркутск. Там были люди, мобилизованные в армию, так что я купил военную форму и присоединился к ним. Все места были заняты, поэтому я заплатил кондуктору десять золотых за его фуражку и фонарь и сел в поезд, направляющийся в Брест-Литовск, где я жил в детстве. Мои дедушка с бабушкой уже умерли, но их семья всё еще жила там, и я пошел в дом тёти. Сначала она не узнала меня — она приняла меня за одного из многих солдат, которые направлялись на фронт. Но я назвал её имя, и она обняла меня и дала свежую гражданскую одежду.

В Брест-Литовске я сел на поезд в Белосток и по приезду пошел в сахарный магазин, где работал мой отец. Он отвел меня домой и мама целовала меня и плакала, целовала и плакала... Мне удалось получить другой фальшивый паспорт, на этот раз на имя не «Захар Нефидов», а «Мойше Каплан», и сесть на поезд до Одессы, где работал мой младший брат на фабрике по производству погонов. На последней станции перед городом — она называлась «Разделение» и была известна своими ворами — я вернулся в свой вагон и обнаружил, что мои деньги и паспорт были украдены. Я остался с восьмьюдесятью копейками и билетом в кармане жилета. Но вскоре я устроился работать на фабрику наконечников для чертежных перьев и оставался в Одессе больше двух лет, пока не началась революция.

Однажды, в 1916 году, меня остановил полицейский и спросил: «Почему ты не сражаешься на фронте? Пройдем со мной в участок». Я дал ему три рубля и он отпустил меня. В следующую пятницу он пришел на мою фабрику и потребовал больше денег, иначе он заберет меня «в участок». Я дал ему свои часы в качестве залога до получ-